

КЯМИЛЕВ С. Х., МЕЛЬНИКОВ Г. П.

ПРОБЛЕМА МИНИМАЛЬНЫХ СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ И ЗНАЧАЩИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКАХ СЕМИТСКОГО СТРОЯ

Проблема оснований выделения минимальных языковых единиц не может быть решена однозначно, если учесть, что принципиально различными могут оказаться как сами цели их выявления, так и методологические принципы соответствующего операционного анализа. Вместе с тем трудно возразить и против того, что лишь весьма ограниченный ряд языковых элементов способен «претендовать» на положение минимальных, т. е. таких, которые получаются в результате сегментации речевого потока и последовательности которых образуют функциональные языковые единицы более высоких ярусов иерархии. Долгое время на статус этих единиц претендовали, как известно, такие не имевшие еще четкого определения сегменты, как «слово» и «отдельный звук языка». После теоретических уточнений, внесенных в лингвистику бодуэновской школой, появились и получили широкое признание понятия «минимальной значащей единицы» — морфемы, «минимальной смыслоразличительной (морфеморазличительной) единицы» — фонемы, а слово стало трактоваться как «минимальная полнозначная единица». Однако и до настоящего времени, если встает вопрос об универсальности всех этих единиц, мнения лингвистов в отношении их элементарности продолжают нередко расходиться. Так, для ряда языков ставится под сомнение продуктивность противопоставления морфемы и слова [1], а минимальной артикуляционно-акустической единицей признается не фонема, а слогафонема [2]. Хотя дискуссии на эту тему мало затрагивают исследователей флективных индоевропейских языков, однако для тех, кто стоит перед задачей теоретического осмысления языков семитского строя и создания на этой основе надежной методологической базы их описания, решение подобных споров имеет принципиальное значение.

Уточним, что у семитологов, как и у индоевропеистов, нет оснований сомневаться в том, что в исследуемых ими языках существует минимальная полнозначная единица — слово. Но если учесть, что в отличие от индоевропейских языков, в которых нет по существу разницы между корнем и минимальной, или первичной, основой, получаемой в результате линейного членения слова, в семитских языках такая основа, как правило, морфологически разложима еще на собственно корень, состоящий из согласных (в подавляющем большинстве — трех ¹), и определенный набор гласных, перемежающих корневые согласные [*kataba*/*k^at^ab* | *a*/ «он (на) писал», *kātabū*/*kⁱt^ub* | *ū*/ ² «они переписывались»], то этот факт уже не может не вызывать вопроса о своеобразии логического статуса согласных и гласных в пределах всей семитской словоформы, с одной стороны, и в границах ее основы — с другой, и, следовательно, о том, фонемы или слогафонемы являются минимальными единицами построения звуковых обо-

¹ Наличие в семитских языках относительно небольшого количества слов (преимущественно — имен), имеющих в своем составе менее трех корневых согласных и не возводимых к однокорневым с ними глаголам, не подчеркивает отмеченного правила, поскольку не принадлежит к определяющим чертам типологии семитских языков [3].

² В косых скобках представлена схема членения слова: вертикальная черта обозначает границу основы, получаемую в результате линейного членения, а группа приподнятых над строкой букв — деривационный комплекс гласных, модифицирующий исходное содержательное значение корня.

лочек значащих единиц в семитских языках. Решение подобных проблем семитологии представляет, очевидно, интерес и для общего языкознания.

После работ Н. В. Юшманова и М. Козна [4—6] семитский корень трактуется преимущественно как носитель основного значения — некоторого первоначального представления, самой общей идеи, некоторого элементарного понятия. Наиболее последовательное обоснование данный взгляд на семитский корень (взгляд, по существу своему, кстати, очень близкий к тому, который доминировал среди арабских и еврейских грамматистов средневековья) получил в работе В. П. Старинина «Структура семитского слова», опубликованной в 1963 г. [7]. Вместе с тем в «Курсе арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении» Б. М. Гранде, который вышел в том же году, утверждалось, что «корень является лишь скелетом для морфологических построений и почти не дает материала для семантического анализа» [8, с. 13]. Таким образом, Б. М. Гранде, вольно или невольно продолжал придерживаться преодоленной уже наукой точки зрения К. Броккельмана, для которого семитский корень был абстракцией, не имеющей в реальном мире никаких соответствий [9].

Знаменательно, что во «Введении в сравнительное изучение семитских языков», опубликованном девятью годами позже «Курса...», Б. М. Гранде, не отказавшись от такой интерпретации семитского корня, внес изменения в трактовку своеобразия минимальных единиц на фонологическом уровне, развив выдвинутую им еще в 1965 г. идею «слогофонемы» [10] как якобы специфической особенности семитских языков, заключающейся в том, что «языковой коллектив в качестве неразложимых комплексов, в качестве как бы последних „кирпичиков“ состава слова воспринимает не отдельные согласные и гласные фонемы, но тесное сочетание согласного звука с последующим гласным» [10, с. 751; 11, с. 70]. В подтверждение своих рассуждений Б. М. Гранде ссылался на средневековых еврейских и арабских грамматистов, которые, по его мнению, «в сущности оперировали аналогичными же понятиями» [11, с. 72]. Решающая ссылка делалась, в частности, на Профиата Дурана Галеви, который считал необходимым рассмотреть сочетание «согласный + гласный» как самостоятельную единицу и насчитал в иврите 145 таких единиц.

Отметим сразу, что позицию Б. М. Гранде, занятую им в «Курсе...» и позже во «Введении...», вряд ли можно расценить как последовательную и убедительную. Например, на с. 12 «Курса...» отмечается, что «обычно слова, группирующиеся вокруг одного корня, семантически связаны между собой». На с. 49 говорится о «родственных корнях... с близкими значениями» и подчеркивается следующее: «Еще старые арабские грамматисты обратили внимание на то, что часто группа трехбуквенных (трехсогласных. — К. С., М. Г.) корней с близким значением имеет в своем составе по два общих согласных звука, с которыми и связано общее значение всей группы, третий же коренной придает данному корню частное значение». Во «Введении» корень уже прямо признается как та часть слова, которая является носительницей вещественного значения, причем для его выделения «необходимо устранить не только аффиксы, но и гласные» [11, с. 104].

В «Курсе...» вопрос о слогофонах не затрагивался вообще. Что же касается ссылок во «Введении» на средневековых грамматистов, в частности — П. Галеви, то тут необходимо обратить внимание на следующее. Полагая, что этот ученый конца XIV — начала XV вв. рассматривал комбинации «согласный + гласный» в сущности так, как предлагается понимать слогофону, Б. М. Гранде не обратил внимания на то, что число 145 получено как сумма фонетических сочетаний согласных с гласными: с одной стороны, учитываются только качественно различные гласные, т. е. всего 5 гласных безотносительно к их количественным характеристикам, столь существенным фонематически, а с другой — наряду с сочетаниями основных, или «сильных», комбинаторных вариантов 22 согласных с этими 5 гласными принимаются в расчет еще и «слабые» варианты 7 согласных — *b, g, d, k, p, t, r* — с той же неизменной пятеркой гласных [11, с. 72]. Если бы П. Галеви мыслил сочетания «согласный +

+ гласный» так, как полагал Б. М. Гранде, он должен был бы, очевидно, считать не по своей формуле $22C \times 5V + 7C' \times 5V = 145$ (где C — «сильный» фонетический вариант согласного, C' — его «слабый» фонетический вариант, и V — один из 5 качественно разных гласных), а по формуле $22C \times 5V + 22C \times 5\bar{V} + 22C = 242$ ($\bar{V}$ — долгий гласный, $22C$ — согласные с «нулем гласного», которые, по Б. М. Гранде, также включаются в число комбинаций «согласный + гласный») [11, с. 70]. Но он этого не сделал, поскольку поставил перед собой вполне понятную задачу — определить для иврита возможное число качественно разных артикуляций «человеческих звуков» (*xaqqōlōt xā'ēnōšim*³), т. е. качественно разных фонетических сочетаний согласных с гласными. И задача эта не связывалась с вопросом о минимальной границе фonomорфологического членения слова, который по существу поставил Б. М. Гранде, когда занялся поиском «последних кирпичиков» его состава. Знаменательно, что подобный поиск не мог не привести такого серьезного и глубокого исследователя, каким был Б. М. Гранде, к выводам, мало совместимым с формулой «тесное сочетание согласного звука с последующим гласным», предложенной им в качестве модели слогафонемы семитских языков: «согласные звуки, которые в основном остаются стержневой составной частью слогафонемы, во многих позициях в слове (разрядка наша. — К. С., М. Г.) приближаются к тому состоянию, которое можно считать простой звукофонемой. Это имеет место, когда согласный звук закрывает слог, т. е. когда за ним не следует гласный звук. Можно, конечно, исходя из общей характеристики слогафона в семитских языках, считать эти случаи вариантами с „нулевым гласным“, однако характер фонетической связи между звуками закрытого слога и частота встречаемости этого явления как внутри слова, так и в конце его заставляют предпочесть другой взгляд, а именно, что мы имеем дело со сдвигом в сторону выделения простой согласной звукофонемы» [11, с. 71—72].

Теория слогафонемы применительно к семитским языкам уязвима не только в силу отмечаемых в ней самим Б. М. Гранде «исключений». Еще более серьезным фактором следует признать принципиальную несовместимость линейного членения слова, применяемого в этой теории по существу в качестве единственного и универсального приема, с ее важнейшим положением о том, что «комбинация согласного звука с последующим гласным воспринимается как неразрываемый комплекс, причем согласный звук такого комплекса является его фундаментальной составной частью, а гласные звуки придают этому комплексу различные вариации» [11, с. 70]. Ведь одним из самых очевидных результатов членения семитского слова может оказаться как раз отделение от его основы морфологически самостоятельных гласных, выступающих в функции реляционных аффиксов, и в таком случае «слогафонемное» членение слова вступит в явное противоречие с его морфологическим строением. Ср. соответственно следующие примеры из арабского языка: *ka-ta-ba* — *ka-ta-b | a* «он (на)писал» и *ka-ta-bū* — *ka-ta-b | ū* «они (на)писали» (дефис обозначает «слогафонемные» границы, а вертикальная черта — границу основы слова).

Больше того, на материале арабского языка нетрудно также показать, что линейное членение семитского слова в любом случае должно иметь своей конечной логической границей не «неразрываемый комплекс» — «согласный + гласный», но непременно отдельно взятые согласные и гласные фонемы. Возьмем, в частности, пары словоформ, которые при любой трактовке фонологического статуса семитских согласных и гласных признаются за члены одной формальной парадигмы варьирования некоторого инвариантного исходного содержания словоформы: *kabura* «быть больным» — *kabara* «быть старше»; *karuḥa* «быть отвратительным, ненавистным» — *kariḥa* «не желать; ненавидеть»; *kataba* «писать» — *kātaba* «переписываться». Если допустить, что «последними кирпичиками» состава

³ Транскрипция еврейских и арабских слов дается по системе, предложенной в кн. «Семитские языки» [12].

семитского слова являются комплексы «согласный + гласный», то логически следует признать, что в приведенных парах слова отличаются друг от друга соответственно комплексами *bu — ba*, *ru — ri*, *ka — k̄a* и именно им можно приписать функцию выразителей модифицирующего содержания по отношению к инвариантному содержанию в каждой из рассмотренных словоформ. Но тогда придется признать, что это инвариантное содержание представлено совпадающей частью сравниваемых словоформ: то комбинацией из двух последних «слогофоне́м» трехсложной словоформы (например, *-ta-ba* с общей идеей писания для пары *kataba* и *k̄ataba*, ибо первые «слогофонемы» у них различны и им, следуя логике слогофонемной теории, необходимо приписать функцию грамматических модификаторов сопоставляемых словоформ), а то из двух крайних слогофоне́м — *ka-...-ra* с общей идеей старшинства или *ka-...-ha* с общей идеей отвращения, неприязни — и тогда считать «слогофонемы» *-bu-*, *-ba-* или *-ru-*, *-ri-* грамматическими модификаторами в парах соответствующих словоформ — *ka-bu-ra — ka-ba-ra* и *ka-ru-ha — ka-ri-ha*. А если подобным же образом сопоставить словоформы одной типичной семитской словарной статьи, то, во-первых, в разных словоформах, при очевидном наличии в них содержательного инварианта, совпадающими придется признать различные слогофонемы и, во-вторых, у многих из таких словоформ вообще не найдется ни одной одинаковой слогофонемы, и члены безусловной парадигмы, с ее общепризнанной поразительной регулярностью и даже «алгебраичностью», придется считать конгломератом супплетивных знаков. Например, чисто супплетивной выглядела бы в таком случае связь между *qatala* «он убил» и *qutīlū* «они были убиты».

Подобного рода выводов, плохо согласующихся с реальностями семитских языков, можно, однако, избежать, если отказаться от теории слогофонемной структуры семитской словоформы и признать, что носителем исходного инвариантного лексического значения в членах одной парадигмы является корень, представленный согласными, а модифицирующее значение выражено аффиксально с помощью определенного набора и определенной последовательности гласных фоне́м, перемежающих корневые согласные.

Дополнительным аргументом в пользу именно такого решения является содержательное сопоставление семитских словоформ, тождественных по составу и по позициям гласных, «вставляемых» в корни с различными консонантным составом: одинаково огласованные корни образуют основы с совпадающими лексико-грамматическими значениями. Не случайно в арабской грамматической традиции корневые согласные обозначаются «алгебраически» — через три буквенных символа *f*, *ε*, *l*, передающих соответственно первый, второй и третий по счету корневой ⁴, в то время как гласный состав слова указывается вполне определенно ⁵. Так, например, при сравнении *kabura*, *kabara*, *kabira* будут противопоставляться не изолированные *-bu-*, *-ba-*, *-bi-* и тем более не *-u-*, *-a-*, *-i-*, но непременно полные формулы этих слов — *faεula*, *faεala*, *faεila*. Прямым подтверждением этому может служить также свидетельство Г. М. Габучана о том, что «кроме изменения корневой основы, аффиксация, в том числе и неразрывающие прерывные аффиксы... рассматриваются в арабской грамматической теории как часть системы словообразования в языке...» [14, с. 124].

Теперь обратим еще раз внимание на то, что за консонантной последовательностью закреплено прежде всего лексическое корневое значение

⁴ Показательно, что представление о доминировании трехгласного корня настолько прочно вошло в арабскую грамматическую традицию, что для обозначения четвертого корневого в ней не было даже выработано специального буквенного символа, и в случае необходимости этот корневой обозначается так же, как и третий, т. е. через букву *l* [13].

⁵ В различных европейских школах арабистики, в том числе и в отечественной, используется аналогичный принцип с той только разницей, что вместо комбинации *f-ε-l* часто употребляется более легкая для произношения комбинация *q-t-l* или еще более наглядные схемы — *C₁-C₂-C₃* и даже просто 1-2-3 или I-II-III, перемежаемые соответствующими определенными наборами гласных.

(кстати, мало чем отличающееся от корневого значения флективных и «классических» агглютинативных языков, например, урало-алтайских), а за последовательностью гласных, образующих «прерывный аффикс» — служебное, грамматическое, значение. Этот факт свидетельствует о явной функциональной неравноценности содержания, выражаемого согласными и гласными, поскольку информационная нагруженность лексических оппозиций безусловно выше информационной нагруженности оппозиций грамматических. Иными словами, можно говорить о наличии иерархических отношений между семитским консонантизмом и вокализмом с доминирующим функциональным положением состава семитских согласных как целого над составом гласных. Эта доминанция находит свое выражение и в относительной бедности семитского вокализма, и в синтагматике семитской словоформы: если гласный в своей наиболее «сильной» форме, т. е. в форме, которую он имеет в максимально независимой от окружения позиции, плохо согласуется с соседним согласным, то «уступить» должен гласный, т. е. он должен быть произнесен в той из своих «слабых» модификаций, которая в артикуляционной речевой цепи обеспечивает максимум инвариантности артикуляции согласного⁶. Так, функциональное доминирование согласных над гласными в составе словоформ, в их парадигматике естественным образом проецируется на их доминирование и в последовательности, в синтагматике, в результате чего с чисто артикуляционно-акустической точки зрения семитская речь представляется как последовательный линейный поток тесно спаянных консонантно-вокалических пар. Поэтому, возражая против фонологической трактовки таких пар как слогофоном, следует признать их объективное существование как специфических фонетических, т. е. артикуляционно-акустических, единиц языков семитского строя. Замечательным отражением данной особенности явилась, в частности, выработка в традиционной арабской грамматике понятия «харф» для передачи по существу как раз той минимальной фонетической единицы, которую можно реально выделить при линейном членении слова в потоке речи⁷. Заметим попутно, что аналогичные отношения между согласными и гласными наблюдаются не только в семитских языках. Например, в русском языке артикуляция гласного обычно в большей мере зависит от артикуляции предыдущего согласного, чем предыдущего согласного от последующего гласного (особенно если иметь в виду противопоставление согласных по твердости—мягкости, ср. *мы* и *ми*). Таким образом, о «фонетической слогофоне» можно было бы говорить и при рассмотрении русского языка, что, однако, не дало бы никаких оснований видеть в ней минимальную единицу именно фонологического яруса⁸.

⁶ Отсюда, например, при относительной бедности состава арабских гласных фонем, что, кстати, также закономерно вытекает из функциональной неравноценности семитских согласных и гласных [15], живая арабская речь отличается исключительным качественным разнообразием гласных, определяемым в первую очередь и преимущественно консонантным окружением. Наглядной иллюстрацией могут служить различные говоры марокканского диалекта, в котором общая для арабского языка тенденция к ограничению состава гласных фонем проявилась особенно сильно [16]. Например, для танжерского говора В. Марсэ насчитал 17 качественно разных звукотипов гласных [17], а для рабатского Л. Брюно — 13 [18].

⁷ Г. М. Габучан, детально проанализировавший различные аспекты понятия «харф», пришел к заключению о возможности интерпретировать его и «как на лексическом уровне неделимый сегмент в строении слова», связав это с выводом о «несостоятельности рассмотрения гласного элемента как особого вида аффиксации» [14, с. 124—125]. Подобная расширительная трактовка «харфа» сближает его по существу со «слогофоне» Б. М. Гранде, и на это уже обращалось внимание в литературе [19, 20].

⁸ Поскольку рассматриваемый вид доминанции определяется прежде всего тем, что за согласными закреплена основная инвариантная абстрактная информация, а за гласными — служебная модифицирующая информация, благодаря которой словоформа становится выразительницей целостного актуального конкретного содержания, то согласно известным законам физиологии, в соответствии с которыми абстрактная инвариантная информация хранится преимущественно в левом полушарии головного мозга, а конкретные целостные представления и образы — в правом [21], системы команд для распознавания согласных должны быть локализованы в психике носителей семитских языков в левом полушарии, а гласных — в правом. В индоевропейских язы-

Поскольку аргументация в пользу признания за семитскими согласными и гласными статуса фонем, т. е. минимальных строительных единиц, последовательности которых образуют минимальные значащие единицы языка — морфемы, основана у нас на учете прежде всего иерархичности значений, выражаемых морфемами, и таким образом мы разграничиваем корни и аффиксы, постольку естественно ожидать, что грамматические наиболее контрастно противопоставленные значения, в первую очередь — словообразовательные и словоизменительные, т. е. деривационные и реляционные, также должны отразиться на противопоставленности своих репрезентантов, т. е. словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Такое различие аффиксов действительно наблюдается, и проявляется оно прежде всего в их позиционных характеристиках. Как отмечали еще Р. Блашер и М. Годфруа-Демомбин, гласные, внедряемые в консонантный костяк семитской словоформы, есть «не что иное, как только деривационные элементы» [23], откуда логически следует, что недеривационные, реляционные, грамматические значения могут при этом выражаться уже лишь внешними агглютинированными аффиксами, выделяемыми при линейной сегментации словоформы на морфемы, что и подтверждается на фактическом материале семитских языков. А так как в роли реляционных аффиксов могут выступать отнюдь не одни только тесно спаянные комплексы «согласный + гласный», или «харфы», но и отдельные гласные (например, флексии *-u-*, *-i-*, *-a-* для выражения падежного склонения имен [24] или *-u-*, *-a-*, *-ø* для выражения глагольного спряжения), то на этом уровне членения они по своему логическому статусу должны быть приравнены к «полноправным» фонемам. Вместе с тем, поскольку те же гласные на другом уровне членения, а именно в пределах основы словоформы, обладают лишь «коллективной значимостью», т. е. лишь в определенных комбинациях, то этот факт, по-видимому, мог послужить основанием для замечания Б. М. Гранде о том, что в семитских языках «до выработки совершенно независимых гласных фонем не дошло» [11, с. 71]. Однако если исходить из подобных оснований, то равным образом можно было бы усомниться в окончательной сформированности фонемного уровня, например, в индоевропейских языках, поскольку и в них единство морфемы достигается благодаря наличию у составляющих ее фонем определенной «коллективной значимости»: *gor* — это не то же, что *gol* или *pol*, подобно тому, как прерывная морфема *-a . . . a-* — это не то же, что морфема *-a . . . i-* или *-u . . . i-*.

Следует, кстати, заметить, что до разработки своей теории слогофонем Б. М. Гранде высказывал мысли, очень близкие к сформулированным выше выводам о трехаспектном содержании семитской словоформы. «В большинстве слов семитских языков, — писал он, например, в „Курсе“. . .», — включены как вещественная часть, обозначение самого понятия, так и функциональная часть, обозначение разных модификаций основного понятия и различных грамматических отношений» [8, с. 109]. И, подчеркнем еще раз, каждое из этих трех значений, которые одновременно несет в себе семитская словоформа, находит свое объективное субстанциональное выражение в виде трех соответствующих морфем — консонантного корня, вокального прерывистого аффикса (трансфикса), которым «переложены» согласные корня, и внешнего по отношению к образуемой ими основе реляционного аффикса. При этом выделить все три морфемы с помощью одно-

ках, в том числе и в русском, хотя и менее ярко, но все же проявляется аналогичное направление консонантно-вокальной доминанции.

Однако есть языки, распространенные главным образом в Океании, с обратным направлением функциональной доминанции: корень слова в этих языках опознается в основном по «вокалическому костяку» словоформы. Интересно, что недавние эксперименты японских ученых обнаружили весьма показательный факт: хранение и обработка информации о гласных у представителей этих языков осуществляется в левом полушарии головного мозга, а согласных — в правом, тогда как у носителей индоевропейских языков «консонантным» оказывается левое полушарие, а «вокальным» — правое [22]. Тем самым лишний раз продемонстрировано единство принципов человеческого мышления: функционально аналогичные процессы протекают в психике всех людей одинаково.

го только линейного членения невозможно, поскольку они принадлежат различным уровням функционально-содержательного анализа и находятся, таким образом, как бы в различных несовместимых друг с другом плоскостях. Операционный метод выделения рассматриваемых морфем наряду с линейным приемом членения должен непременно включать в себя еще и парадигматический, чтобы быть адекватным объективной природе семитского слова. И одним из выдающихся завоеваний традиционной арабской грамматики несомненно следует считать то, что еще на заре своего становления она нашла такой метод в плодотворном соединении двух операционных приемов анализа — линейного и парадигматического, на что обращает внимание Г. М. Габучан, отмечая, что выделение основы слова (*ʿaṣl*) в арабской традиционной грамматике производится исходя из линейного членения, но ее дальнейшее рассмотрение ведется уже обязательно в парадигматическом плане [14, с. 122].

Расчленение семитской словоформы на основу и вокалический аффикс демонстрирует тот факт, что между согласным и гласным даже при линейном членении словоформы может проходить морфемный шов. Следовательно, если признавать за минимальную фонологическую единицу семитских языков слогофоному, то придется констатировать весьма странные свойства такой единицы: ее начальный сегмент служит для различения одной морфемы, а конечный для различения другой. В то же время признание членимости словоформы на основу и вокалический аффикс не только делает естественным описание словоизменительных семитских парадигм, но позволяет обнаружить и составную, парадигматическую, дифференциацию семитских гласных по отношению к тем или иным разновидностям грамматического значения [25].

Следует заметить, что и Б. М. Гранде, вольно или невольно абсолютизовавший принцип линейного членения слова при построении им теории семитских фонем, в других случаях так или иначе исходил не только из него. Например, он же подчеркивал, что «характер и последовательность гласных звуков в слове являются одним из основных морфологических средств в семитских языках» [11, с. 103]. Верные выводы, противоречащие, однако, принципу универсальности линейного членения слова, но хорошо согласующиеся с представлением о двусоставности основы семитского слова, которое наиболее последовательно отстаивал В. П. Старинин.

Все более убеждаясь в необоснованности введения категории слогофонемы в число минимальных единиц фонологического яруса семитской грамматической системы и не отрицая в то же время объективности существования такой весьма самостоятельной фонетической единицы как «харф», получающейся при тесном слиянии согласного с последующим гласным, мы вправе теперь остановиться и на более широком вопросе о том, а могут ли быть вообще обнаружены такие языки, в которых подобная единица могла бы иметь фонологический статус.

Как известно, введение понятия слогофонемы принадлежит Е. Д. Поливанову [26, с. 1—7]. Через это понятие он стремился выразить своеобразие звукового строя корнеизолирующих языков типа китайского, в которых практически каждый слог является морфемой, и поэтому невозможно расчленить слог на фонемы путем установления морфемных границ внутри слога. Это функциональное своеобразие слогов как специфических минимальных единиц корнеизолирующего языка Е. Д. Поливанов подчеркивал тем, что называл их «слогофонемами», или «силлабемами». Как отмечает в связи с этим В. М. Солнцев, в языках иного морфологического типа, например, в русском, слоги не являются силлабемами, но только фонетическими единицами, ибо членение слова на слоги не есть «в то же время членение слова на морфемы» [27, с. 36].

Цельность силлабемы как выразительницы элементарного значения в корнеизолирующем языке проявляется и в том, что она связана, по Е. Д. Поливанову, с «мелодическим представлением слога» [26, с. 7], т. е. с тоном.

Таким образом, становится очевидным, что по исходному, определяющему признаку, заставившему китайцев ввести понятие слогофонемы, или силлабемы, а именно — по признаку тождества слова и морфемы, сочетание «согласный + гласный» в семитских языках не может быть отнесено к слогофонеме. И все же представим на время, что отнесение этих семитских сочетаний к числу силлабем справедливо. Следует ли отсюда, что даже в таком случае лишь они могут рассматриваться как минимальные фонологические единицы семитского строя? Обратимся в связи с возникающим вопросом снова к идеям Е. Д. Поливанова, а также его последователей о продуктивности для строя корнеизолирующих языков выделения понятия силлабемы — А. А. Драгунова, Е. Н. Драгуновой, В. М. Солищева [28, 27].

По Е. Д. Поливанову, наличие «силлабического представления слога», т. е. силлабемы, «в китайском языковом мышлении» отнюдь не означает отсутствия делимости этого представления на более мелкие, собственно фонологические представления — согласные, гласные, полугласные. Развивая эту мысль, В. М. Солищев отмечает: «нельзя делать вывод, что функция слога в китайском языке полностью аналогична функции отдельного звука (фонемы) русского языка» [27, с. 33].

Китайская фонема отличается от фонем «несиллабемных» языков лишь тем, что не может быть самостоятельной морфемой. Что же касается тех функциональных свойств, наличие которых было положено И. А. Бодуэном де Куртене в основу введения понятия фонемы, а именно — способность фонем как элементарных артикуляционно-слуховых представлений служить средством противопоставления единиц, связанных с различным смыслом, то и в силлабеме «смыслоразличительную функцию несут элементы слога: согласная часть (в том числе нулевой согласный) и гласная часть» [28]. «Иначе говоря, фонемные, т. е. смыслоразличительные функции в китайском языке свойственны отдельным согласным и гласным звукам, но не слогу в целом» [27, с. 33].

Таким образом, даже в тех языках, в которых слоговое членение совпадает с морфемным, минимальной фонологической единицей остается фонема. В семитских же языках, где через сочетание «согласный + гласный» может проходить морфемная граница, весьма трудно найти объективное обоснование идее о том, что этот комплекс представляет собой минимальную фонологическую единицу — слогофонему (силлабему), тем более, что его свойства как целого функционально отличны от тех свойств, на основании которых было введено понятие слогофонемы (силлабемы) в корнеизолирующих языках.

Однако подчеркнем еще раз, что сказанное отнюдь не означает отрицания в языках семитского строя специфических слоговых единиц, особенность которых заключается в чрезвычайно высокой степени доминации консонантных артикуляционно-акустических характеристик над вокальными, вследствие чего эти единицы приобретают свойство очень тесной фонетической спаянности и, тем самым, самостоятельности. Речь идет лишь о том, что эти объективно существующие единицы, для которых в классической арабской грамматике неслучайно был выработан специальный термин «харф», принадлежат не фонологическому, а фонетическому уровню⁹, и при анализе семитских языков их описание должно включаться не в разделы о парадигматике минимальных смыслоразличительных единиц, т. е. о составе фонем, а в разделы о синтагматике артикуляционно-акустической речевой репрезентации этих единиц. При такой трактовке статуса семитских «слоγοфонем», или «харфов», не будет возникать и упоминавшейся проблемы «слоγοфонемы с нулевым гласным» (см. выше), ибо фонетически такие единицы уже не являются слоговыми. В то же время любые функциональные модификации согласного с последующим гласным, даже если они не фонологичны, должны быть отнесены к числу «слоγοфонем-

⁹ Дополнительным подтверждением этому служит вывод Г. М. Габучана о том, «что харф в первую очередь и чаще всего употребляется в грамматических трактатах средневековых арабских филологов в значении какой-то звуковой единицы» [14, с. 120—121].

харфов». При этом, поскольку длительность гласного, при доминанции согласного, не влияет на возникновение каких-либо своеобразных отношений между артикуляционно-акустическими характеристиками гласных и согласных в слоге, то наличие семитских пар «согласный + гласный» отличающихся только длительностью гласного, несмотря на фонологичность противопоставления гласных по длительности, к возникновению соответствующих пар «слогофоном-харфов» не приводит. И если с учетом сказанного вернуться к примерам П. Галеви и подсчитать количество таких единиц, взяв приводимые им для иврита исходные данные, то как раз и получится выведенное им уже известное число 145. Сам по себе подобный факт может служить хорошим подтверждением статуса семитской «слогофонемы» как синтагматической фонетической единицы, не дающей повода для сомнения относительно наличия в семитских языках «обычных» парадигматических единиц фонологического яруса, репрезентирующихся как согласные или гласные фонемы.

Подводя общие итоги проведенного анализа, можно констатировать, что минимальными единицами языков семитского строя на фонологическом уровне являются фонемы (не слогофонемы!), минимальными значащими единицами — морфемы, представляющие собой определенные комбинации фонем, и в этом отношении семитские языки принципиально ничем не отличаются от других языков мира, даже таких типологически далеких от них, как корнеизолирующие.

Сделанный вывод еще раз подтверждает, что языковые категории фонемы и морфемы оказываются универсальными для всех естественных языков и что, таким образом, до введения этих понятий И. А. Бодуэном де Куртене общая лингвистика не имела достаточно надежной универсальной базы как для описания отдельных языков, так и для их типологического сопоставления.

Естественно, что обнаружение в семитских языках тех же самых минимальных единиц языкового строя, которые присущи всем другим языкам, не только не лишает исследователя возможности вскрыть уникальные особенности семитской грамматики, но, напротив, позволяет более четко сформулировать суть обнаруженного своеобразия и поставить вопрос о причинах его возникновения. Изложение принципов такого этиологического подхода, позволяющего связать проблему особенностей минимальных смысловых различительных и значащих единиц языка с особенностями единиц на всех иных ярусах в синхронии и диахронии, могло бы представить тему для отдельного исследования. Здесь же ограничимся пока лишь напоминанием о том, что возможность причинных объяснений в языкознании вытекает из диалектического положения, в соответствии с которым «язык постоянно приспосабливается к общественному устройству и функции его социально обусловлены», причем «сама возможность приспособления порождена социальной сущностью языка» [29]. И семитология та область лингвистики, где впервые была продемонстрирована перспективность этиологического подхода [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцева В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1978.
2. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977, с. 40.
3. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. (Опыт классификации). М., 1965, с. 27, 30—31.
4. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928.
5. Юшманов Н. В. Строй арабского языка. Л., 1938.
6. Cohen M. Essai comparatif sur vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.
7. Старинин В. П. Структура семитского слова, М., 1963.
8. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.
9. Brockelmann C. Grundriss der vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen. I. Berlin, 1908, S. 286—287.
10. Гранде Б. М. Слогофонема в семитских языках. — В кн.: Семитские языки. 2-е изд. Вып. 2. Ч. 2. М., 1965.

11. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
12. Кямилиев С. Х. Возможный подход к унификации транскрипции (для сборников типа «Семитские языки»).— В кн.: Семитские языки. Вып. III. М., 1976.
13. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М., 1960, с. 85.
14. Габучан Г. М. К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой «внутренней флексии»).— В кн.: Семитские языки. Вып. II. Ч. 1. М., 1965.
15. Мельников Г. П. Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма. Методические разработки. М., 1968.
16. Cantineau J. Reflexions sur la phonologie de l'arabe marocain.— In: J. Cantineau. Etudes de linguistique arabe. Paris, 1960.
17. Marçais W. Textes arabes de Tanger. Paris, 1911.
18. Brunot L. Textes arabe de Rabat. Paris, 1931.
19. Милитарев А. Ю. Развитие взглядов на семитский корень.— В кн.: Восточное языкознание. М., 1976, с. 22.
20. Солнцев В. М., Варбуль И. Ф., Алпатов В. М., Бертельс А. Е., Коротков Н. Н., Санжеев Г. Д., Шарбатов Г. Ш. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания.— В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 2. М., 1982, с. 13.
21. Иванов В. В. Чет-нечет. М., 1978.
22. Брабин Г. Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора.— Курьер ЮНЕСКО, 1982, март.
23. Blachère R. et Godefroy-Demotbynes M. Grammaire de l'arabe classique. 3-me éd. Paris, 1952.
24. Шагаль В. Э. Структура категории склонения в арабском литературном языке.— В кн.: Семитские языки. Вып. III, с. 173.
25. Кямилиев С. Х. О совпадении средств выражения именного склонения и глагольных наклонений в арабском литературном языке. — ВЯ, 1979, № 1.
26. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
27. Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. (Введение в изучение китайского языка). М., 1957.
28. Драгунов А. А., Драгунова Е. Н. Структура слова в китайском национальном языке.— Советское востоковедение, 1955, № 1, с. 58.
29. Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой.— В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 154.
30. Мельников Г. П. Взаимобусловленность структуры ярусов в языках семитского строя.— В кн.: Семитские языки. Вып. 2. Ч. 2.